

Е. Г. Лапина-Кратасюк^{ab}

ORCID: 0000-0002-9396-0937

✉ ekaterina.l.kratasjuk@gmail.com

^a *Национальный исследовательский университет*

«Высшая школа экономики» (Россия, Москва)

^b *Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
(Россия, Москва)*

КОСМИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ИСТОРИИ: ПОПУЛЯРНАЯ НАУКА, ТРАНСМЕДИЙНАЯ ДРАМАТУРГИЯ И АКТУАЛЬНАЯ ПОВЕСТКА

Аннотация. Цель статьи — рассмотреть возможности, которые открывает перед публичной историей и популярной наукой жанр альтернативной истории в произведениях о космических и научно-технических достижениях XX в. Жанр альтернативной истории, во-первых, показывает, что научные открытия и изобретения являются не менее важными фактами новейшей истории, чем войны и политические противостояния. Во-вторых, за счет намеренно антонимичных хрестоматийной истории сюжетов (например, «на Луну первым высадился Алексей Леонов») альтернативная история провоцирует зрителей к изучению и задокументированных событий. И, наконец, с помощью трансмедийного сторителлинга и современных цифровых инструментов (например, 3D-модели лунной станции) в исторические проекты можно встроить темы естественных и инженерных наук. Кроме того, трансмедийный сторителлинг предполагает расширение опыта аудитории, которая получает возможность не только смотреть сериал, но и включаться в игровые и краудсорсинговые практики. Трансмедийные проекты, основанные на нарративах альтернативной истории, позволяют привлечь внимание к многовариантности прошлого, к непредопределенности событий и идеологических схем новейшей истории, истории холодной войны и первой космической гонки.

Ключевые слова: альтернативная история, трансмедийный сторителлинг, публичная история, популярная наука, платформенный сериал

Благодарности. Публикация подготовлена в ходе проведения исследования № 19–01-078 «Визуализация космических пространств и объектов в цифровых медиа (кино, астропередача, игры и 3D-проекты): политические, образовательные и эстетические аспекты» в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2019–2021 гг.

Для цитирования: Лапина-Кратасюк Е. Г. Космическое измерение альтернативной истории: популярная наука, трансмедийная драматургия и актуальная повестка // Шаги/Steps. Т. 8. № 3. 2022. С. 100–118. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-100-118>.

*Статья поступила в редакцию 16 декабря 2021 г.
Принято к печати 18 апреля 2022 г.*

Shagi / Steps. Vol. 8. No. 3. 2022
Articles

E. G. Lapina-Kratasyuk^{ab}

ORCID: 0000-0002-9396-0937

✉ ekaterina.l.kratasyuk@gmail.com

^a National Research University Higher School of Economics
(Russia, Moscow)

^b The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Russia, Moscow)

THE SPACE DIMENSION OF ALTERNATIVE HISTORY: POPULAR SCIENCE, TRANSMEDIA STORYTELLING AND THE CONTEMPORARY AGENDA

Abstract. The purpose of the article is to consider the possibilities that the genre of alternative history applied to the history of space, scientific and technical achievements of the 20th century opens to public history and popular science professionals. The genre of alternative history, firstly, allows us to draw public attention to the fact that global scientific discoveries and technological inventions are no less important facts of modern history than wars and political confrontations. Secondly, due to stories that are deliberately antonymous to “textbook history” (for example, “Alexey Leonov landed on the Moon first”), an alternative history provokes viewers to consider in detail the documentable past. And finally, with the help of transmedia storytelling and modern digital tools, the historical project can be extended to topics from the natural and engineering sciences (for example, by studying a 3D virtual model of the lunar station). In addition, transmedia storytelling involves expanding an audience’s experience: now its members can not only watch a serialized program, but also be involved in gaming and crowdsourcing practices in the project’s applications. In general, this approach draws attention to the multivariance of the past, and to the uncertainty of events and ideological schemes of the history of the Cold War and the first space race.

Keywords: counterfactual history, transmedia storytelling, public history, popular science, platform series

Acknowledgements. The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE) in 2019-2021 (grant №19-01-078 “Visualization of Outer Spaces Objects in Digital Media (Cinema, Astrophotography, Games and 3D Projects): Political, Educational and Aesthetic aspects”).

To cite this article: Lapina-Kratasyuk, E. G. (2022). The space dimension of alternative history: Popular science, transmedia storytelling, and the contemporary agenda. *Shagi / Steps*, 8(3), 100–118. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-3-100-118>.

Received December 16, 2021

Accepted April 18, 2022

История XX и XXI вв. создается в эпоху, когда фотографии, аудиозаписи, киноплёнка, а впоследствии и компьютерные файлы стали важнейшими источниками знания о прошлом и настоящем: «...исторические свидетельства, созданные нашей эпохой, часто являются визуальными по своей природе не менее, чем устными и письменными» [White 1988: 1193]. Разнообразие этих медийных источников и возможности их сохранения и архивирования расширились с переходом на цифровые носители. Хроникерами, фиксирующими исторические процессы, потенциально могут быть любые владельцы сотовых телефонов, планшетов или ноутбуков. Поэтому говорить сегодня об истории в медиа не совсем верно, медиа — и есть новейшая история, это и исторический источник, сохраняющий информацию о политических, социальных и культурных событиях, и объект исторического познания: история медиа, как и история других наук и технологий, — важнейшая часть истории XX и XXI вв.

В то же время разнообразие исторических медианарративов о событиях XX в. по-прежнему невелико и по большей части повторяет сюжеты домедийной истории: смена политических элит, войны, территориальные экспансии. Лишь в последние годы сюжеты, связанные с историей науки, технологий и медиа, в исторических фильмах и сериалах из факультативных становятся центральными. Особую роль в увеличении количества и разнообразия сюжетов истории XX в. в современных аудиовизуальных произведениях играет тема космоса и космической экспансии человечества: новый виток международной космической гонки сопровождается не только появлением большого числа научно-фантастических и фэнтезийных космических блокбастеров, таких как, например, «Гравитация» (2013), «Интерстеллар» (2014), «Марсианин» (2015), «К звездам» (2019), «Дюна» (2021), — но и документальных и художественных фильмов, посвященных истории космонавтики XX в.: «Земля в иллюминаторе» (2015), «Скрытые фигуры» (2016), «Время первых» (2017), «Человек на Луне» (2018), «Аполлон-11» (2019).

История космонавтики в кино и сериалах позволяет зрителям увидеть историю XX в., не ограниченную исключительно сюжетами двух мировых и третьей, холодной войны, потому что, несмотря на соперничество СССР и США в первой космической гонке, метафора планетарного прорыва — задачи, ради которой необходимо объединить усилия всего человечества, — обычна для нарративов о космических достижениях второй половины прошлого века. Кроме того, история космонавтики привлекает внимание зрителей к тому факту, что XX век — это век наук и технологий (причем не только военных), а ученые и инженеры — его главные действующие лица, не менее значимые, чем полководцы и президенты. Таким образом, нарративы о космических достижениях (и космических катастрофах) XX в. в кино, сериалах и мультиплатформенных проектах позволяют использовать возможности и приемы не только публичной истории [De Groot 2016], но и популярной науки, повышая просветительский потенциал этих медиапроизведений.

Например, особое внимание в этой статье будет уделено платформенному сериалу «Ради всего человечества» (For All Mankind, Apple TV+, 2019–), и выбран он не столько за художественные достоинства (обсуждать которые — дело критики), сколько как пример произведения, продюсеры которого добиваются преимуществ на весьма конкурентном медиарынке за счет нестандартного обращения к исторической теме, использования мультиплатформенного продвижения и приемов популярной науки.

Таким образом, в статье я ишу ответы на исследовательские вопросы о том, какие возможности открывает перед публичной историей и популярной наукой жанр альтернативной истории в произведениях, основанных на сюжетах о космических открытиях и научно-технических достижениях XX в., а также каковы преимущества и недостатки использования этого жанра для переосмысления в публичном поле событий второй половины XX в., в частности, истории холодной войны и первой космической гонки.

Прежде всего кратко объясню, во-первых, как цифровая среда изменила формы и форматы репрезентации прошлого в медиа, и, во-вторых, в чем специфика жанра альтернативной истории, к которому относятся многие из рассматриваемых далее проектов.

«Давайте признаем и примем этот факт, — писал Роберт Розенстоун, автор одной из самых известных книг, посвященных истории в кино [Rosenstone 2017], — исторические фильмы беспокоят и раздражают профессиональных историков» [Rosenstone 1995: 5]. С 1995 г., когда была напечатана эта фраза, ситуация вряд ли существенным образом изменилась; наоборот, причин для беспокойства и раздражения у историков стало гораздо больше. Развитие цифровых технологий в XXI в., а в последние годы быстрый рост стриминговых сервисов и постоянное увеличение количества исторических платформенных сериалов привели к тому, что в поисках конкурентных преимуществ продюсеры изобретают все более изощренные и парадоксальные способы репрезентации прошлого на экранах, одним из которых является альтернативная история, особенности которой будут рассмотрены ниже.

В то же время цифровая среда значительно расширяет возможности взаимодействия между историками и продюсерами коммерческих медиапроектов, позволяет совмещать и сравнивать разные жанры и форматы знания о про-

плом, делает проницаемыми границы между популярной, публичной и профессиональной историей через создание открытых архивов и исторический краудсорсинг [Петров 2021; Лапина-Кратасюк, Рублева 2018; Гагарина, Исмакаева 2021], а также меняет наше представление о статусе исторического документа и самой природе документального [Klinger 2016].

Я не буду рассматривать все изменения, которые произошли с историей в эпоху цифровых медиа, а остановлюсь лишь на трансформациях, которые касаются наиболее традиционных повествовательных медийных жанров — исторических фильмов и сериалов (как художественных, так и документальных), т. е. тех явлений, которые Хейден Уайт называет «историофотией» — «репрезентацией истории и наших размышлений о ней в визуальных образах и фильмическом дискурсе», вступающей в сложные отношения с «историографией» [White 1988: 1193].

Историофотия в цифровую эпоху: трансмедийные расширения как просвещение

Цифровые технологии значительно расширили возможности конструирования материального мира прошлого, исторических пейзажей и архитектурных пространств на экране и повысили степень достоверности таких реконструкций. И хотя это не позволяет пока значительно снизить бюджеты исторических фильмов и сериалов, те проблемы, которые рассматривались теоретиками исторического кино [Burgoyne 2008] как ключевые еще несколько десятилетий назад, с помощью цифровых технологий оказались в значительной степени преодолены. Например, проблема использования с целью экономии бюджета одних и тех же декораций для нескольких фильмов, действие которых происходит в разные эпохи, сегодня решается с помощью либо полностью цифрового фона, либо цифровой обработки изображения, которая целиком скрывает идентичность материальных объектов в кадре. Цифровой фильм позволяет отказаться от кадров реального действия в пользу компьютерного рисования [Манович 2012], поэтому большую часть проблем, связанную с созданием диегезиса фильма, теперь можно решить на компьютере. Следовательно, бюджеты фильмов и сериалов можно снизить, разнообразие тем увеличить, и поэтому создавать исторические аудиовизуальные произведения в цифровую эпоху могут не только крупные киностудии, но и множество независимых продюсеров.

Тем не менее я хотела бы сосредоточить внимание не на возможностях цифрового визуального конструирования исторических миров, о котором написано уже много работ, а на других свойствах цифровой культуры — мультиплатформенности и трансмедийности. Мультиплатформенность — понятие более общее и отсылает нас к такому ставшему привычным свойству цифровой культуры, как распределение контента на нескольких медиаплатформах (например, дублирование телевизионным каналом видеопередач на сайте и в соцсетях). Трансмедийность предполагает, что контент не дублируется, а «расширяется» таким образом, чтобы обогатить опыт пользователя: «...важное отличие между трансмедийным сторителлингом и мультиплатформенным сторителлингом — это стремление создать синергию между разными сегмен-

тами контента и фокусировка на эмоциональном опыте вовлечения для аудитории» [Pratten 2015: 3].

Наиболее коротким, но в то же время отражающим ключевые свойства трансмедиа, является трехаспектное определение, данное Мэтью Фрименом и Ренирой Рампаццо Гамбарато: «...трансмедийность — это, во-первых, несколько медиаплатформ, во-вторых, расширение контента и, в-третьих, вовлечение аудитории» [Freeman, Gambarato 2019: 3].

В контексте темы моей статьи важно сфокусировать внимание не столько на коммерческих, сколько на просветительских возможностях трансмедийного сторителлинга (хотя первые и вторые отнюдь не противоречат друг другу и могут успешно сосуществовать в одном проекте). Вернемся к проблеме исторических медийных проектов, обозначенной выше: профессиональные историки испытывают недоверие к историческим фильмам, так как считают именно письменную форму истории наиболее аутентичной. С этой точки зрения любые медийные формы представления прошлого рассматриваются лишь как искажения исторического текста, а не как самостоятельные форматы исторического знания. Хотя эта точка зрения неоднократно оспаривалась, в том числе самими историками [Rosenstone 1995], трансмедийный сторителлинг позволяет примирить профессиональное научное знание и медийные репрезентации истории и в глазах тех, кто ее придерживается. Так, сколь бы далеким от письменной истории или исторического документа ни был фильм о прошлом, его основная функция в структуре трансмедийного проекта — привлечение внимания публики к той или иной теме. Другие платформы того же проекта (такие как сайты, образовательные ролики, книги, квесты, квизы и т. п.), на которые с помощью приемов трансмедийного сторителлинга «переводятся» зрители, обеспечивают более профессиональное освещение научной темы, затронутой в фильме, а также более сложный опыт взаимодействия с историей: не только чтение и просмотр, но игровые практики, а также сотворчество в получении информации.

Образовательные эффекты трансмедийного сторителлинга можно реализовать не только в произведениях публичной истории, но и в любом проекте популярной науки. Так, возвращаясь к второй теме моей статьи — теме космоса и космонавтики, — нельзя не вспомнить «Интерстеллар» (Interstellar, 2014, Великобритания, Канада, США), созданный астрофизиком, лауреатом Нобелевской премии Кипом Торном в соавторстве с режиссером Кристофером Ноланом и остающийся во многом непревзойденным примером использования трансмедийного сторителлинга в области популярной науки. Трансмедийный проект «Интерстеллар» состоял из одноименного фильма, книги «Интерстеллар: Наука за кадром» [Thorn 2014; Торн 2021], а также Oculus Rift experience — инсталляций виртуальной реальности, установленных в киноцентре AMC Metreon в Сан-Франциско [Atkinson 2019: 22]. В то время как фильм интересовывал разнообразными научными темами, не раскрывая их, но впечатляя современными цифровыми спецэффектами, в книге эти темы подробно, но популярно раскрывались, и заинтересованный зритель, таким образом, превращался во внимательного читателя. 3D-инсталляции же позволяли буквально погрузиться в проблему, «побывав в космосе».

В то же время проект «Интерстеллар» является своего рода уникальным случаем, так как научные истины, обоснованные предположения и домыслы были в нем основой замысла: художественный сюжет подстраивался под них (а иногда и приносился им в жертву). Еще в самом начале формирования идеи фильма Кип Торн предложил придерживаться двух правил относительно науки в «Интерстелларе»:

1. Ничто в фильме не должно противоречить общепринятым законам физики или достоверным знаниям о Вселенной.
2. Домыслы по поводу устройства Вселенной и малоизученных физических явлений должны быть научно подкреплены, то есть основаны на идеях, которые принимают хотя бы некоторые из уважаемых ученых [Торн 2021: 16].

Сценаристы, режиссер и консультант прилагали специальные усилия, чтобы содержание фильма ни в чем не отступало от тезисов и гипотез современной астрофизики и других наук: они просто не раскрывались в фильме подробно, поскольку развернутую информацию можно было найти в книге.

В то же время, как уже было сказано выше, «Интерстеллар» — это, в определенном смысле, эксперимент в области «твердой» научной фантастики, и сложно сделать прогноз, насколько такой подход станет распространенным, а не останется единичным примером. В большинстве других научно-фантастических фильмов научное знание является факультативным или фоновым и поэтому трансформируется и искажается под воздействием драматических требований сценария. Тем не менее даже в этих случаях использование трансмедийных приемов позволяет сделать проект, основанный на научно-фантастических нарративах, просветительским. Например, популярная лекция ученого-эксперта, посвященная разоблачению неточностей, допущенных создателями того или иного фильма, становится своеобразным расширением этого фильма, имеющим просветительский эффект. Трансмедийный сторителлинг повышает образовательный потенциал современных цифровых фильмов и сериалов и расширяет спектр тем, которые сегодня составляют популярную науку и публичную историю.

Альтернативная история в контексте постмодернистской историографии

Напомню, что основной исследовательский вопрос статьи — каковы преимущества и недостатки использования жанра альтернативной истории для переосмысления в публичном поле событий второй половины XX в. Несмотря на большое количество документов и живых свидетелей, история этого периода представляет собой проблемную тему как для историков, так и для медиaproдюсеров, так как, с одной стороны, некоторые из важнейших событий, например история космических достижений, до сих пор остаются частично засекреченными, а с другой стороны, прямолинейные пропагандистские нарративы — интерпретации тех или иных событий 1940–1990-х годов продолжают воспроизводиться в публичном пространстве, претендуя на историческую

достоверность, задавая горизонт ожиданий аудитории и создавая ситуацию, когда не только органы цензуры ограничивают вариативность интерпретации прошлого, но и публика не принимает дискуссии и разные точки зрения на события XX в. Например, о своеобразном «консенсусе в осуждении» альтернативной интерпретации исторических событий в фильме «Матильда» Алексея Учителя, сложившемся между различными общественными группами и представителями государственных структур, мы рассказывали в работе [Лапина-Кратасюк и др. 2020].

В этом контексте жанр альтернативной истории позволяет вводить новых героев и новые возможные исходы исторических событий и тем самым не только создает пародийный эффект, но и (или именно благодаря этому эффекту) позволяет деконструировать популярные исторические нарративы, избегать логики «единой истории» и возобновлять дискуссию.

Альтернативная история (на английском языке используются такие наименования и аббревиатуры, как *alternate history*, *alternative history*, *alhist*, *AH*) — литературный поджанр и поджанр аудиовизуальных произведений, нарратив в которых построен по принципу «а что, если...»: в сюжете произведения одно из известных исторических событий либо не происходит, либо развивается по альтернативному сценарию [Bunzl 2004].

Альтернативная история связана с жанром научной фантастики, так как во многих произведениях этого жанра используется мотив путешествия во времени. Важно также упомянуть о сходствах и различиях таких поджанров исторического фильма и сериала, как альтернативная история и «возможная история» (*counterfactual history*). Между этими понятиями нет строгих границ, но понятие *альтернативная история* в большей степени относится к художественным произведениям и предполагает большую степень свободы в обращении с историческим материалом, в то время как «возможная история» представляет собой скорее прием мысленного эксперимента, производимого для научных или образовательных целей. И, наконец, альтернативная история всегда касается именно прошлого, поэтому, несмотря на сходство отдельных жанровых элементов утопии, антиутопии и альтернативной истории, последняя все-таки остается жанром, отличным от первых двух.

В связи с увеличением количества сериалов, игр и комиксов, посвященных историческому или фэнтезийному прошлому, жанр альтернативной истории становится в последние годы все более распространенным. К произведениям, созданным в его рамках, можно отнести, например, сериал «Террор» (*The Terror*, США, 2018–2019), первый сезон которого посвящен альтернативной истории пропавшей в XIX в. в Северном Ледовитом океане британской исследовательской экспедиции и является адаптацией одноименного романа Дэна Симмонса, созданного также в жанре альтернативной истории. Второй сезон снят по оригинальному сценарию и посвящен другому времени и другим событиям. Это гораздо более сложный нарратив, основанный на культуре памяти, включающий рефлексию об исторической травме, мультикультурные элементы и референции к современной политической повестке дня. Его сюжет строится вокруг историй американцев японского происхождения, которые после

атаки на Пёрл-Харбор были помещены в специальные лагеря. Мистический сюжет сериала — история «неуспокоенного духа» (*кудан*) — включает множество персональных историй этнических японцев, проживавших в США (напомним, что отказ от метанарратива в пользу индивидуальных историй — признак постмодернистской историографии, который отлично воплощается именно в цифровой истории с ее стремлением сделать архив основной единицей высказывания о прошлом). Особый драматизм альтернативной истории, рассказанной во втором сезоне «Террора», придают финальные титры, из которых зритель узнаёт, что все прототипы героев сериала, которые по сюжету остались живы и вышли из лагеря, на самом деле погибли во время заключения.

Другими примерами популярных проектов в жанре альтернативной истории являются мини-сериал «Голливуд» (Hollywood, США, 2020) и вызвавший неоднозначные оценки критиков и зрителей, но ставший одним из хитов Netflix сериал «Бриджертоны» (Bridgerton, США, 2020–) — адаптация серии книг Джулии Квинн, написанных в жанре подражания романам эпохи Регентства (Regency romance).

Свобода в обращении с прошлым, характерная для альтернативной истории, укладывается в логику постмодернистской историографии и тех вызовов, который последняя бросает конвенциям реализма [Хатчеон 2013], что в случае альтернативной истории значит и «само собой разумеющееся» — привычно воспроизводимые во множестве учебных и публицистических текстов конвенции рассказов о том, как происходило то или иное событие прошлого или какую роль сыграла та или иная историческая фигура. Отступление альтернативной истории от этих конвенций создает пространство для рефлексии, нередко выраженной в сатире. Сама конструкция «а что, если...» предполагает разворачивание нарратива, напоминающего пародию, а «Пародировать — не значит разрушать прошлое; фактически пародировать — значит, с одной стороны, хранить прошлое и, с другой — подвергать его сомнению. Это и есть парадокс постмодернизма» [Там же].

Парадоксальный просветительский эффект альтернативной истории состоит в том, что намеренная и иногда скандальная деконструкция сюжетов официальной истории пробуждает в зрителе интерес к «задокументированным историческим событиям» [Burgoyne 2008]: альтернативная история заставляет нас любопытствовать, какова же была настоящая, и искать информацию о ней. С другой стороны, альтернативная история эксплицирует сконструированность любой экранной истории и пробуждает критическое мышление по отношению к популярным нарративам о прошлом.

Одна из ведущих исследовательниц альтернативной истории, профессор Калифорнийского университета в Беркли Кэтрин Галлагер пишет в своей монографии «Рассказывая, как это не происходило» [Gallagher 2018], что когда «контрфактуализм» (альтернативная история) возник в XVIII в., его целями были восстановление исторической справедливости, философское осмысление событий прошлого, а также попытки понять, можно ли было избежать войн. Все эти цели, пишет Галлагер, остаются актуальными для современной альтернативной истории.

Альтернативная истории первой космической гонки в сериале «Ради всего человечества»: актуализация политической повестки и трансмедийное просвещение

Любопытным примером взаимодействия популярной науки и индустрии развлечений, а также трансмедиаии художественных аудиовизуальных проектов, является сериал «Ради всего человечества», выходящий на платформе Apple TV+ в 2019–2022 гг. Создатели сериала соединили преимущества альтернативной и «возможной» истории. Первая, в соответствии с тезисом Пьера Сорлена, согласно которому любой исторический фильм дает нам знания лишь о том периоде истории, в который он был снят [Sorlin 1980], позволяет переинтерпретировать историю освоения космоса второй половины XX в. в контексте современных политических и этических норм и установок. Вторая позволяет произвести мыслительный эксперимент и не только погрузиться в мир открытий естественных и инженерных наук второй половины XX в., сделавших возможным полет человека на Луну, но и помечтать о том, что было бы, если бы политические, бюрократические и финансовые препятствия не помешали научным и технологическим достижениям стать рутинной космической отраслью.

Исторические фильмы, включающие темы науки и технологий, подвергаются двойной критике: их обличают не только историки, но и целый ряд других специалистов: ученые, инженеры, конструкторы, медики, психологи и т. д. В то же время активное развитие в последние годы как публичной истории, так и более широкого направления популярной науки [Кожанов, Абрамов 2015] (открытие специализированных университетских программ, проведение конференций, выход многочисленных публикаций и т. п.) привлекают внимание ученых-популяризаторов к просветительскому потенциалу произведений, посвященных истории наук и технологий, а мультиплатформенные структуры, характерные для цифровой медиасреды, способствуют более полному раскрытию этого потенциала.

Сериал «Ради всего человечества», который я рассматриваю далее, являясь примером совмещения жанров исторического и научно-фантастического сериала, привлекает общественное внимание к такой наукоемкой теме истории XX в., как первая космическая гонка, и к такой болезненной, как холодная война.

Согласно сценарию сериала, летом 1969 г. первым из землян на поверхность Луны ступил советский космонавт Алексей Леонов. Соединенные Штаты проиграли этот этап лунной гонки, но намерены взять реванш. Это не так просто: пока в NASA идет подготовка к пилотируемому полету, Советский Союз успевает отправить на Луну женщину, и ставки в космической гонке двух сверхдержав, как и их ракеты, снова взлетают до небес.

Описанные события альтернативной истории первой космической гонки — лишь завязка сериала, созданного компаниями Sony Pictures Television and Tall Ship Productions по заказу корпорации Apple. Сериал относится к Apple Originals, т. е. рассчитан на эксклюзивный показ на ресурсах этой компании — в приложении Apple TV и на видеохостинге Apple TV+, запущенном в ноябре 2019 г. Первый и второй сезоны сериала вышли в 2019 и 2021 гг. соот-

ветственно, показ третьего, посвященного покорению Марса и космическому туризму, начался 10 июня 2022 г.

Завязка сериала становится началом целой серии экспериментов с историей. Так, лунный модуль космического корабля «Аполлон-11» приземляется лишь на две из трех опор; в составе второго экипажа астронавтов на Луне присутствует женщина; лунные программы США и СССР не сворачиваются в 1970-е годы, а продолжают развиваться; обе страны строят лунные базы с живущими на них сотрудниками; «Патфайндер» — это не маленький марсоход, а космический корабль с атомным двигателем, который готов к полету на Марс. Приемы альтернативной истории касаются и политики: президентом США становится Роберт Кеннеди, а главой СССР много лет подряд является Юрий Андропов; вместо Карибского кризиса происходит Панамский и т. д. Альтернативная история затрагивает также административные решения (например, директором NASA становится женщина) и культурные события (убийства Джона Леннона не было, он остается важной символической фигурой и в 1980-е).

Кратко рассмотрим три аспекта драматургии сериала «Ради всего человечества»: тему науки и технологий, значение которой для истории XX в. в сценарии сериала заметно усилено по сравнению с «хрестоматийной историей»; тему «восстановления исторической справедливости», коррелирующую с современными социокультурными нормами и, наконец, структуру трансмедийной драматургии сериала, которая обеспечивает единство его полижанрового нарратива и привносит в него элементы популярной науки.

Во-первых, в сериале переплетаются две линии альтернативной истории: история освоения космоса, в которой важную роль играют реконструкции ракет и других технологий, моделирование космических полетов, детально воссозданные интерьеры центра управления полетами NASA, созданные специально для сериала модели лунных баз и т. п., и история соперничества США и СССР, в которой создатели сериала возвращают зрителя к самым важным проблемам холодной войны, вновь заставляя задуматься о том, насколько были предопределены те или иные события этого противостояния (сопровождаясь иногда трагическими последствиями). Название сериала контрастирует с многочисленными политическими конфликтами в сюжете, которые подталкивают технологическое развитие, но также ведут к вооружению космических кораблей, появлению на Луне огнестрельного оружия и началу вооруженного противостояния в космосе. По сюжету предпоследней серии второго сезона мир оказывается на грани космической ядерной войны, что является яркой ироничной антитезой названию «Ради всего человечества» и горьким предчувствием тех тревог, которые мы испытываем после февраля 2022 г. Альтернативная история науки и технологий, напротив, гиперболизировано оптимистична (уже в XX в. человечество обладает всеми возможностями для полета на Марс) и детализирована за счет трансмедийных расширений, о которых пойдет речь ниже.

Во-вторых, поскольку, как упоминалось выше, одной из причин возникновения альтернативной истории является стремление восстановить историческую справедливость [Gallagher 2018], в сериале «Ради всего человечества» политический реваншизм, по крайней мере в первом сезоне, отходит на второй план перед ярко выписанной феминистской темой.

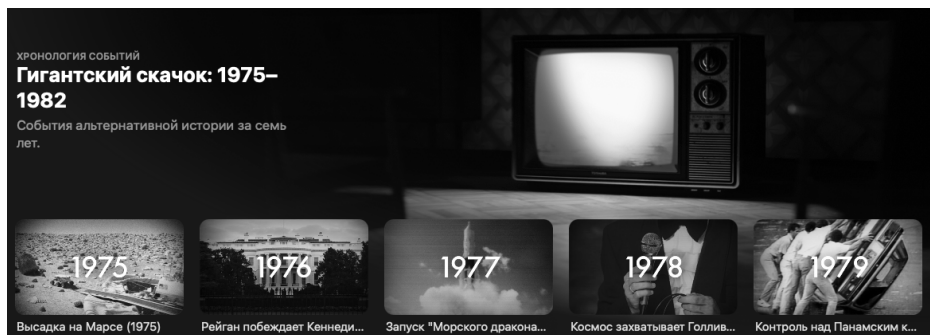
«Меркурий-13», отряд летчиц США, которых готовили к полетам в космос, существовал благодаря частной инициативе. Несмотря на то что участницы отряда прошли все необходимые тесты, NASA не поддержало программу, и ни одна женщина из «Меркурия-13» не стала тогда астронавткой [Cruddas 2015]. Историческая справедливость была частично восстановлена в 2021 г., когда в космос полетела младшая из участниц «Меркурия-13» Уолли Фанк. Ей было 82 года, когда она успешно совершила полет на корабле «New Shepard» компании «Blue Origin», принадлежащей миллиардеру Джеффу Безосу, и стала на настоящий момент самой взрослой астронавткой в мире [Wattles 2021]. Освещение этого полета, как и другие художественные и документальные проекты последних лет, является частью глобальной медийной мультиплатформенной инициативы переосмысления и перезагрузки мирового космического движения.

Создатели сериала «Ради всего человечества», который тоже является частью этого движения, в 2019 г., еще до полета Уолли Фанк, придумали свою художественную версию восстановления исторической справедливости в рамках жанра альтернативной истории: по сюжету третьей серии первого сезона, названной «Женщины Никсона», после высадки на Луну советской космонавтки NASA вновь собирает «Меркурий-13», несколько участниц которого успешно проходят все этапы подготовки и становятся астронавтками (ил. 1). Все героини сериала — образы собирательные, но в то же время множество деталей связывают их с историческими событиями и личностями. Например, героиня сериала Молли Кобб, которая по сюжету становится первой американкой, ступившей на поверхность Луны, носит фамилию Джерри Кобб — первой участницы настоящего «Меркурия-13», прошедшей предполетные испытания лучше мужчин-астронавтов и открывшей возможность участия в программе для других двенадцати летчиц.



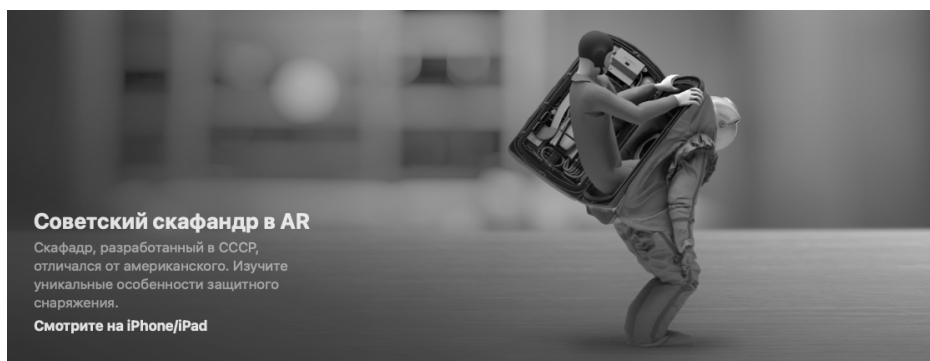
Ил. 1. Кадр из серии 3 «Женщины Никсона» (1-й сезон сериала «Ради всего человечества») с участницами отряда «Меркурий-13»

Fig. 1. A shot from episode 3, “Nixon’s Women” (season 1, serial For All Mankind) with the members of the Mercury-13 squad



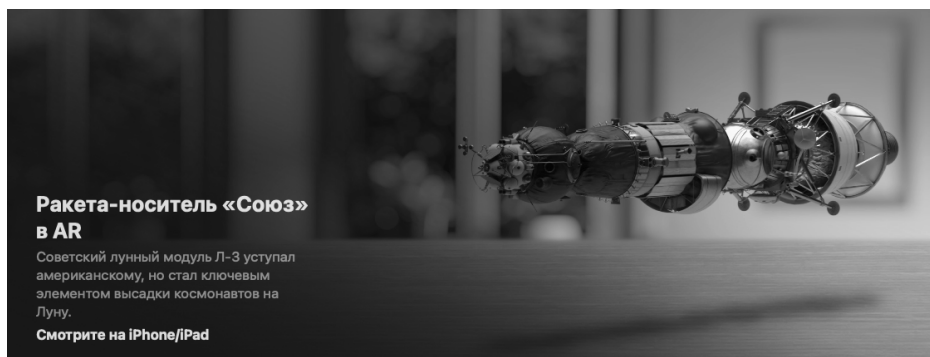
Ил. 2. Проект «Ради всего человечества». Таймлайн альтернативной истории в приложении Apple TV

Fig. 2. Project For All Mankind. Timeline of alternative history in the Apple TV app



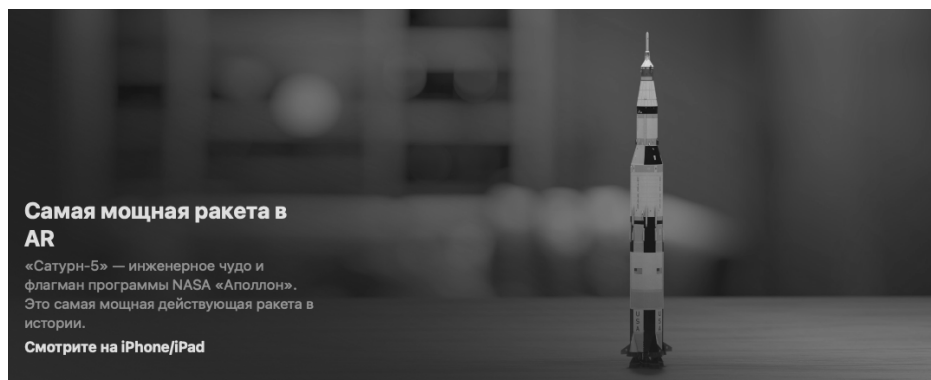
Ил. 3. Проект «Ради всего человечества». Интерактивная 3D-модель советского скафандра в специальном приложении для iPhone

Fig. 3. Project For All Mankind. Interactive 3D model of the Soviet spacesuit in a special application for the iPhone



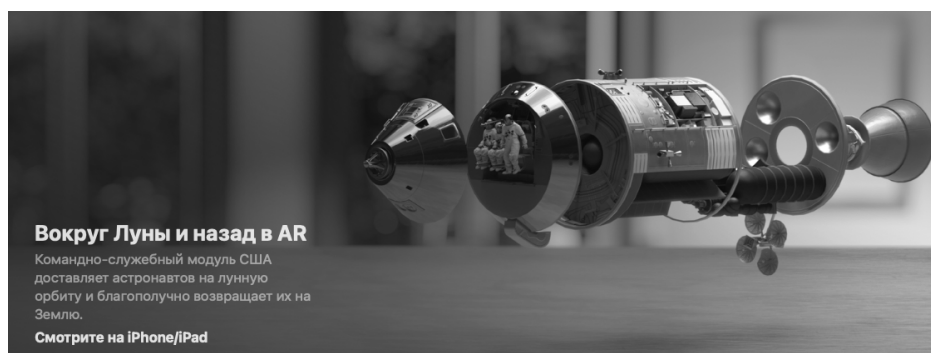
Ил. 4. Проект «Ради всего человечества». Ракета-носитель «Союз» в AR

Fig. 4. Project For All Mankind. Soyuz launch vehicle in AR



Ил. 5. Проект «Ради всего человечества». Ракета «Сатурн-5» в AR

Fig. 5. Project For All Mankind. Saturn-5 rocket in AR



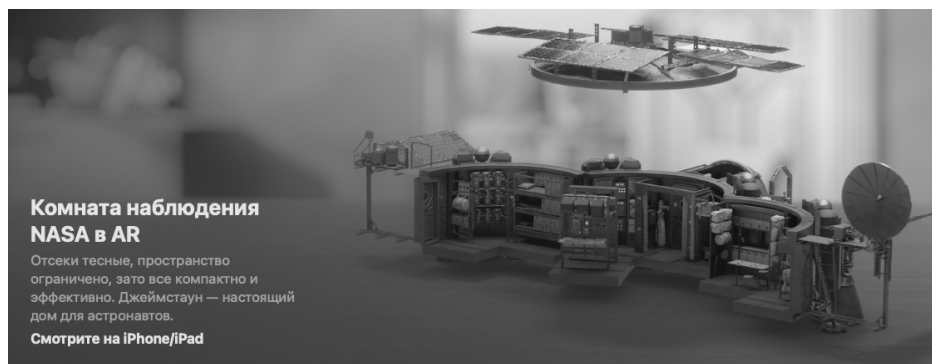
Ил. 6. Проект «Ради всего человечества». Демонстрация «разборки» командно-служебного лунного модуля (США) в AR

Fig. 6. Project For All Mankind. Demonstration of the “breakdown” of the command and service lunar module (USA) in AR

Жанр альтернативной истории позволяет построить сюжет в соответствии с современными нормами толерантности (включая расовую и сексуальную идентичность персонажей), что, в свою очередь, совпадает с индустриальными стандартами платформенного сериала: рассчитывая на глобальную аудиторию, создатели таких сериалов придерживаются принципов разнообразия в подборе актеров и мотивов.

И, наконец, сериал «Ради всего человечества» — это трансмедийный проект, хотя эта трансмедийность доступна ограниченной аудитории. Напомню, что основными признаками трансмедийного проекта является одновременное соблюдение трех принципов: несколько медиаплатформ, расширение контента и разнообразные способы вовлечения аудитории.

Apple TV+ и приложение Apple TV, основные платформы проекта, содержат все сезоны сериала, ролики с рекапами (краткими итогами) каждого сезона, а также таймлайн событий альтернативной истории между первым



Ил. 7. Проект «Ради всего человечества». Интерьеры Джеймстауна (аванпоста NASA на поверхности Луны) в AR

Fig. 7. Project For All Mankind. Interiors of Jamestown (NASA outpost on the Lunar surface) in AR



Ил. 8. Сериал «Ради всего человечества». Кадр — «кроличья нора»: персонаж держит в руках модель ракеты, 3D-модель которой можно изучить в мобильном приложении

Fig. 8. Serial For All Mankind. “Rabbit hole” shot from the show: the character holds a model of a rocket in his hands, while the 3D model of the same rocket can be studied in a mobile app

и вторым сезоном (ил. 2). Другими платформами проекта являются аккаунты в социальных сетях, на которых размещаются различные расширения проекта: от традиционных закадровых комментариев и бэкстейджей до фейковых новостных роликов и личных видеосообщений, заполняющих белые пятна альтернативной истории. Но самыми инновационными и ценными с просветительской точки зрения являются два мобильных приложения: «Капсула времени» и приложение дополненной реальности (AR). Второе содержит 3D-инсталляции как существующих, так и научно достоверных, но не реализованных технологических объектов: скафандров (ил. 3), советской ракеты-носителя «Союз» (ил. 4), ракеты «Сатурн-5» (ил. 5), командно-служебного лунного модуля (ил. 6), а также модель лунной станции Джеймстаун (ил. 7). Все 3D-модели можно разобрать и изучить, с помощью мобильного телефона «разместив» их на любой плоской поверхности. Приложения значительно обогащают опыт аудитории, а также затрагивают широкий спектр научных и научно-технических тем, которые лишь упомянуты в сценарии сериала.

Природа трансмедийного сторителлинга предполагает наличие «кроличьих нор» — нарративных и визуальных переходов, связывающих различные платформы в единую вселенную, и в сериале расставлено множество подобных акцентов — крупных планов объектов, которые можно изучить в приложениях (ил. 8).

В то же время доступ к описанным выше 3D-моделям можно получить только на планшетах и смартфонах Apple, что нарушает принцип инклюзивности трансмедийных проектов [Pratten 2015: 10]. Зато такой подход позволяет реализовать другой принцип трансмедиа — стирание границ между сторителлингом и маркетингом. Не отрицая образовательного потенциала приложений AR, стоит признать, что они в первую очередь работают как инструмент продвижения недавно основанного стримингового сервиса Apple TV+, демонстрируя возможности технологий Apple.

Заключение

Жанр альтернативной истории в произведениях, посвященных событиям космической гонки второй половины XX в., позволяет показать, что научно-технический прогресс может рассматриваться как основа ключевого исторического нарратива для реконструкции недавнего прошлого. Это открывает широкие возможности для взаимодействия индустрии развлечений и популярной науки, в частности, для соединения «гуманитарных» и «естественнонаучных» тем в одном проекте.

Медийными и драматургическими средствами решения этих задач могут быть соединение в одной нарративной вселенной жанров научной фантастики, мокьюментари и исторического фильма, а также трансмедийный сторителлинг, сводящий отдельные сюжеты и приемы в единую систему, позволяющий значительно расширить опыт аудитории и решать художественные, коммерческие и образовательные задачи.

В то же время было бы большим преувеличением сказать, что сериал «Ради всего человечества» — это нейтральный инновационный образовательный продукт. Жанр альтернативной истории позволяет вновь задать вопрос о воз-

возможных сценариях холодной войны, таким образом выводя игровую научно-фантастическую репрезентацию прошлого на уровень почти серьезной политико-исторической рефлексии. В 2022 г. тема холодной войны, к сожалению, вновь становится актуальной. С одной стороны, мы наблюдаем вынужденную деглобализацию, вызванную закрытием границ государств во время пандемии. С другой стороны, напряженность в отношениях между США и Россией снова на повестке дня, и СМИ все чаще используют риторику, заставляющую вспомнить о невыученных уроках политического противостояния 1950–1980-х годов.

Литература

- Гагарина, Исмакаева 2021 — *Гагарина Д., Исмакаева И.* Публичная история в контексте цифрового поворота (на примере России) // Public History Weekly. Vol. 9. No. 10. 2021. URL: <https://public-history-weekly.degruyter.com/9-2021-10/russia-digital-public-history>.
- Кожанов, Абрамов 2015 — *Кожанов А. А., Абрамов Р. Н.* Концептуализация феномена Popular Science: модели взаимодействия науки, общества и медиа // Социология науки и технологий. Т. 6. № 2. 2015. С. 45–59.
- Лапина-Кратасюк, Рублева 2018 — *Лапина-Кратасюк Е. Г., Рублева М. В.* Проекты сохранения личной памяти: цифровые архивы и культура участия // Шаги / Steps. Т. 4. № 3–4. 2018. С. 147–165.
- Лапина-Кратасюк и др. 2020 — *Лапина-Кратасюк Е. Г., Правдюк А. С., Екомасова А. О.* Правила обращения с царями: частная жизнь монаршей семьи как предмет общественной дискуссии и исторической рефлексии (на примере сериалов о династии Романовых) // Укрощение повседневности: Нормы и практики Нового времени / Под общ. ред. М. С. Неклюдовой. М.: Нов. лит. обозрение, 2020. С. 374–398.
- Манович 2012 — *Манович Л.* Цифровое кино и история движущегося изображения // Экранная культура: Теоретические проблемы / Отв. ред. К. Э. Разлогов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. С. 377–396.
- Петров 2021 — *Петров Н. В.* Цифровые архивы частной памяти // Шаги / Steps. Т. 7. № 1. 2021. С. 29–56.
- Торн 2021 — *Торн К.* Интерстеллар: Наука за кадром / Пер. с англ. С. Ломакина. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021.
- Хатчеон 2013 — *Хатчеон Л.* Историографическая метапроза: Пародийность и интертекстуальность истории / [Пер. с англ.] // Гефтер. 2013. 22 апр. URL: <https://web.archive.org/web/20220302214904/http://gefeter.ru/archive/8455>.
- Atkinson 2019 — *Atkinson S.* Transmedia film: From embedded engagement to embodied experience // The Routledge companion to transmedia studies / Ed. by M. Freeman, R. R. Gambarato. New York: Routledge, 2019. P. 15–24.
- Bunzl 2004 — *Bunzl M.* Counterfactual history: A user's guide // The American Historical Review. Vol. 109. No. 3. 2004. P. 845–858.
- Burgoyne 2008 — *Burgoyne R.* The Hollywood historical film. Malden, MA: Blackwell, 2008.
- Cruddas 2015 — *Cruddas S.* The pioneering female astronauts who never saw space // BBC. 2015. 5 Febr. URL: <https://www.bbc.com/future/article/20150205-unsung-heroines-of-the-space-race>.
- De Groot 2016 — *De Groot J.* Consuming history: Historians and heritage in contemporary popular culture. 2nd ed. London; New York: Routledge, 2016.
- Freeman, Gambarato 2019 — *Freeman M., Gambarato R. R.* Introduction: Transmedia studies — where now? // The Routledge companion to transmedia studies / Ed. by M. Freeman, R. R. Gambarato. New York: Routledge, 2019. P. 1–12.

- Gallagher 2018 — *Gallagher C.* Telling it like it wasn't: The counterfactual imagination in history and fiction. Chicago: The Univ. of Chicago Press, 2018.
- Klinger 2016 — *Klinger B.* Cave of forgotten dreams: Meditations on 3D // The documentary film reader: History, theory, criticism / Ed. by J. Kahana. Oxford; New York: Oxford Univ. Press, 2016. P. 989–995.
- Pratten 2015 — *Pratten R.* Getting started with transmedia storytelling: A practical guide for beginners. North Charleston: Createspace Independent Publishing, 2015.
- Rosenstone 1995 — *Rosenstone R. A.* The historical film as real history // Film-Historia. Vol. 5. No. 1. 1995. P. 5–23.
- Rosenstone 2017 — *Rosenstone R. A.* History on film / Film on history. 3rd ed. Abingdon, Oxon; New York: Routledge, 2017.
- Sorlin 1980 — *Sorlin P.* The film in history: Restaging the past. Totowa, NJ: Barnes & Noble, 1980.
- Thorn 2014 — *Thorne K.* The science of Interstellar. New York: W. W. Norton & Company, 2014.
- Wattles 2021 — *Wattles J.* Meet Wally Funk, the 82-year-old pilot who just went to space with Jeff Bezos // CNN Business. 2021. July 20. URL: <https://edition.cnn.com/2021/07/20/business/wally-funk-jeff-bezos-blue-origin-scen/index.html>.
- White 1988 — *White H.* Historiography and historiophoty // The American Historical Review. Vol. 93. No. 5. 1988. P. 1193–1199.

References

- Atkinson, S. (2019). Transmedia film: From embedded engagement to embodied experience. In M. Freeman, & R. R. Gambarato (Eds.). *The Routledge companion to transmedia studies* (pp. 15–24). Routledge.
- Bunzl, M. (2004). Counterfactual history: A user's guide. *The American Historical Review*, 109(3), 845–858.
- Burgoyne, R. (2008). *The Hollywood historical film*. Blackwell.
- Cruddas, S. (2015, Febr. 5). The pioneering female astronauts who never saw space. *BBC*. <https://www.bbc.com/future/article/20150205-unsung-heroines-of-the-space-race>.
- De Groot, J. (2016). *Consuming history: Historians and heritage in contemporary popular culture* (2nd ed.). Routledge.
- Freeman, M., & Gambarato, R. R. (2019). Introduction: Transmedia studies — where now? In M. Freeman, & R. R. Gambarato (Eds.). *The Routledge companion to transmedia studies* (pp. 1–12). Routledge.
- Gagarina, D., & Ismakaeva, I. (2021). Publicnaia istoriia v kontekste tsifrovogo povorota (na primere Rossii) [Public history and the digital turn (the Russian case)]. *Public History Weekly*, 9(10). <https://public-history-weekly.degruyter.com/9-2021-10/russia-digital-public-history>. (In Russian).
- Gallagher, C. (2018). *Telling it like it wasn't: The counterfactual imagination in history and fiction*. The Univ. of Chicago Press.
- Hutcheon, L. (1989). Historiographic metafiction: parody and the intertextuality of history. In P. O'Donnell, & R. Con Davis (Eds.). *Intertextuality and contemporary American fiction* (pp. 3–32). Johns Hopkins Univ. Press.
- Klinger, B. (2016). Cave of forgotten dreams: Meditations on 3D. In J. Kahana (Ed.). *The documentary film reader: History, theory, criticism* (pp. 989–995). Oxford Univ. Press.
- Kozhanov, A. A., & Abramov, R. N. (2015). Kontseptualizatsiia fenomena Popular Science: modeli vzaimodeistviia nauki, obshchestva i media [Popular Science conceptual analysis: Models of science, society and media communications]. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*, 6(2), 45–59. (In Russian).

- Lapina-Kratasyuk, E. G., Pravdiuk, A. S., & Ekomasova, A. O. (2020). Pravila obrashcheniia s tsariami: chastnaia zhizn' monarshei sem'i kak predmet obshchestvennoi diskussii i istoricheskoi refleksii (na primere serialov o dinastii Romanovykh) [Rules for dealing with tsars: The private life of the royal family as a topic of public discussion and historical reflection (based on series about the Romanov dynasty)]. In M. S. Neklyudova (Ed.). *Ukroshchenie povsednevnosti: Normy i praktiki Novogo vremeni* (pp. 374–398). Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Lapina-Kratasyuk, E. G., & Rubleva, M. V. (2018). Proekty sokhraneniia lichnoi pamiaty: tsifrovye arkhivy i kul'tura uchastiia [Projects to preserve personal memories: Digital archives and participatory culture]. *Shagi/Steps*, 4(3–4), 147–165. (In Russian).
- Manovich, L. (2012). Tsifrovoe kino i istoriia dvizhushchegosia izobrazheniia [Digital cinema and the history of the moving image]. In K. E. Razlogov (Ed.). *Ekrannaia kul'tura: Teoreticheskie problemy* (pp. 377–396). Dmitrii Bulanin. (In Russian).
- Petrov, N. V. (2021). Tsifrovye arkhivy chastnoi pamiaty [Digital archives of private memory]. *Shagi/Steps*, 7(1), 29–56. (In Russian).
- Pratten, R. (2015). *Getting started with transmedia storytelling: A practical guide for beginners*. Createspace Independent Publishing.
- Rosenstone, R. A. (1995). The historical film as real history. *Film-Historia*, 5(1), 5–23.
- Rosenstone, R. A. (2017). *History on film / Film on history* (3rd ed.). Routledge.
- Sorlin, P. (1980). *The film in history: Restaging the past*. Barnes & Noble.
- Thorne, K. (2014). *The science of Interstellar*. W. W. Norton & Company.
- Wattles, J. (2021, July 20). Meet Wally Funk, the 82-year-old pilot who just went to space with Jeff Bezos. *CNN Business*. <https://edition.cnn.com/2021/07/20/business/wally-funk-jeff-bezos-blue-origin-scn/index.html>.
- White, H. (1988). Historiography and historiophoty. *The American Historical Review*, 93(5), 1193–1199.

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Екатерина Георгиевна Лапина-Кратасюк

кандидат культурологии
доцент, департамент медиа, факультет
коммуникаций, медиа и дизайна,
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20
Тел.: +7 (495) 772-95-90
старший научный сотрудник,
Лаборатория историко-культурных
исследований, Школа актуальных
гуманитарных исследований,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского,
д. 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
✉ ekaterina.l.kratasyuk@gmail.com

Ekaterina G. Lapina-Kratasyuk

Cand. Sci. (Cultural Studies)
Associate Professor, media department,
Communications, Media and Design Faculty,
National Research University Higher School
of Economics
Russia, 101000, Moscow, Myasnitskaya
Str., 20
Tel.: +7 (495) 772-95-90
Senior Researcher, Centre for Studies
in History and Culture, School for Advanced
Studies in the Humanities, The Russian
Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Vernadskogo, 82
Tel.: +7 (499) 956-96-47
✉ ekaterina.l.kratasyuk@gmail.com